

Staniševa, Dina

Транспозиция граммем как средство выражения модальности и смежные явления языковой структуры

In: *Otázky slovanské syntaxe. III, Sborník symposia "Modální výstavba výpovědi v slovanských jazycích"*, Brno 27.-30. září 1971. Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1973, pp. 149-152

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/120842>

Access Date: 02. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ТРАНСПОЗИЦИЯ ГРАММЕМ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ

1. Кроме специальных способов выражения модальности путем использования парадигм ирреальных наклонений или средств лексикальных единиц, словопорядка и интонации, модальность может быть выражена благодаря способности грамматических форм к транспонированию (явление „транспозиции знаков“ по терминологии С. Карцевского).¹ При этом выражается так называемая „субъективная“ модальность, определяемая признаком ‘отношение говорящего к высказываемому’. Транспозиция обуславливается вторичным употреблением грамматической формы. Основным условием ее проявления является сохранение инвариантного значения грамемы.

Особенно часто случаи транспозиции раскрываются глагольными категориями: Напр., в русском языке использование сослагательного наклонения в сфере повелительного: *ты бы унял его, пошли бы вы погуляли, чтоб не слышал я этих слов!* Здесь формы сослагательного наклонения выражают модальный признак ‘желательности’ или ‘повеления’. Выражение изъявительного наклонения формами повелительного, где выражается признак ‘неожиданности’, иногда — ‘нежелательности’: *а он и чихни на весь театр, вот я и спроси его об этом. Употребление прошедшего времени вместо будущего: так я тебя и послушался!* — признак ‘иронического предположения’. В сфере имен существительных известно использование форм множественного числа вместо единственного для передачи модального признака ‘недоброжелательности’, ‘неодобрения’: *ходят тут всякие!*

Транспозиция является одним из частных случаев варьирования, т. е. способности к взаимной заменяемости грамматических форм. На основе этого внешнего признака явление транспозиции нередко не разграничивают от явлений синтаксической синонимии,² нейтрализации, омосемии. При более тщательном изучении конкретных случаев и условий проявления транспозиции можно обнаружить существенные различия в функционировании и системных отношениях взаимосвязанных и взаимно заменяемых грамем. Представляется особенно существенным разграничение явления

¹ Термин „транспозиция“ употребляется С. Карцевским в связи с определением асимметричного дуализма знака, проявляющегося в несоответствии границ знака и значения. С. Карцевский, *Об асимметричном дуализме лингвистического знака*. См. В. А. Звегинцев, *История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях*, ч. II, Москва, 1960.

² Ср., напр., интерпретацию Хрычиковым типичных случаев транспозиции — употребления форм повелительного наклонения вместо сослагательного — как примеров „частичной синонимии“: *Упади на него целый сугроб, то и тогда бы, кажется, он не нашел нужным стряхивать с себя снег* (Ученые записки Новгородского педагогического института, т. VI, вып. 1, 1961, 57).

транспозиции от нейтрализации и омосемии. Явление транспозиции в сопоставлении с нейтрализацией изучено довольно обстоятельно Е. Кржижковой.³ Их различие состоит в том, что в случаях транспозиции сохраняется инвариантное значение граммем, что и является предпосылкой выражения модальности. В случаях нейтрализации, наоборот, остается невыраженным дифференциальный признак, входящий в сумму признаков, составляющих инвариантное значение. То есть, по словам Е. Кржижковой, „... в случае транспозиции переносно употребляются как раз те значения, которые в позиции нейтрализации нейтрализуются“.⁴

2. Не менее важным, с нашей точки зрения, является разграничение транспозиции форм от явления омосемии. Омосемия характеризуется наличием нескольких означающих при одном означаемом, фактом частичного тождества различных граммем. При ее изучении первостепенной задачей является определение формальных элементов, синтагматических свойств, прежде всего — лексикального окружения и наполнения формы. При проявлении омосемии разграничиваются несколько типов отношений грамматических форм:

1) Отношения обязательности: Этот вид омосемии объединяет комбинаторные варианты одного инварианта (на синтаксическом или морфологическом уровне). Важно подчеркнуть строгую взаимную обусловленность комбинаторных вариантов и однозначность их связи. Условия дополнительного распределения могут быть лексикальными или синтаксическими. Примером лексико-комбинаторных вариантов является употребление в славянских языках РП⁵ для выражения объекта действия при некоторых глаголах, напр., в русском: *жаждать свободы, просить позволения, достичь берега* и др.; в польском: *tańczyć mazurą, walczyka*. К синтаксико-комбинаторным вариантам могут быть отнесены в болгарском языке формы будущего времени с частицей *ще* и формы настоящего времени глаголов совершенного вида, употребляемые в условных и темпоральных придаточных предложениях: *ако се обадиш, ще се върна; когато се смръкне, ще тръгнеш*.

2) Отношения возможности между омосемичными формами проявляются тогда, когда условия употребления одной из них, обязательные для нее, входят (включены) в условия употребления другой. Примером этого типа омосемии являются предложно-падежные конструкции *по* с ВП в русском языке типа *идти по грибы* наряду с конструкцией *за* с ТП — *идти за грибами*, употребляемой в более широких лексикальных условиях. В болгарском языке к тому же явлению относятся падежные (дательные) формы личных, вопросительных и указательных местоимений и аналитические конструкции с предлогом *на* от имен существительных, возможные и от местоимений, напр.: *пиша писмо на годеника си; пиша му писмо, пиша на него писмо*.

3) Отношения свободного варьирования омосемных форм определяются общим, возможным для обоих граммем лексическим окружением.

³ Н. Křížková, Первичные и вторичные функции и т. наз. транспозиция форм, TLP 2, 1966, 171—182.

⁴ Там же, 174.

⁵ Здесь и далее принимаем сокращения: РП — родительный падеж, ВП — винительный падеж, ТП — творительный падеж, ИП — именительный падеж.

Явление омосемии граммем, следовательно, конкретизируется в соотношении факторов „значение“ и „дистрибуция“. Отличия омосемии от транспозиции существенны и заключаются в следующем: а) при транспозиции модальный эффект обязателен, при омосемии он никогда не выражается; б) транспозиция относится к явлениям, проявляющимся в плане содержания, омосемия отражает отношения структуры плана выражения; в) транспозиция — форма связи синтаксического и морфологического уровня языка (транспозиция осуществляется только в условиях построения предложения), в омосемии проявляется связь синтаксического и лексикального уровней (иногда лексико-грамматические категории являются показателями выбора одной из омосемных форм).

3. Транспозиция в рамках категории падежа признается Е. Кржижковой „ограниченной“ Тем не менее ею приводятся некоторые примеры варьирования падежей, которые рассматриваются как явление транспозиции. В славянских языках известно употребление примеров типа русских *найти рыжика* / *найти белый гриб*; в польском: *tańczyć tazura, krakowiaka, walczuka*; в чешском: *koupit Roháče, hrát žolíka, duráka*. Эти случаи определяются Е. Кржижковой как явление транспозиции „в рамках категории одушевленности“.⁶ Подобная интерпретация употребления форм на *-a* известна в лингвистической литературе.⁷ Такое объяснение употребления форм с флексией *-a* противоречит, однако, целому ряду соображений. Во-первых, вряд ли можно утверждать серьезно, что употреблением форм на *-a* здесь выражается признак ‘одушевленности’. Далее — во многих диалектах русского языка употребление тех же флексий не ограничивается именами — названиями грибов, танцев и т. д., а имеет более широкую сферу распространения. Но о выражении ‘одушевленности’ в этих случаях не может быть и речи, напр.: *я съел или нашел гриба, увез столба, выкорчил пня*,⁸ *пошла виника мощить, шальная собака парню носа вырвала, ушли огня гасить*.⁹ Далее — при регулярном употреблении формы *-a* для выражения объекта действия (*найти друга, увидеть человека, поймать волка*) сама флексия *-a* не является носителем признака ‘одушевленности’. ‘Одушевленность’ — лексико-семантический признак определенного класса имен существительных. Так что „транспозиции“ в этих случаях не может произойти уже в силу семантической нейтральности формы к указанному признаку. Вопрос об употреблении падежной формы в приведенных примерах решается, с нашей точки зрения, лексикальной обусловленностью употребления одной из них вместо другой при их функциональной тождественности: флексия *-a* употребляется в более тесных, обусловленных лексикальными единицами контекстах. Тем самым указанные случаи варьирования падежей в славянских языках следует интерпретировать как явление омосемии, а не транспозиции.

⁶ Н. Křížková, цит. соч., 178.

⁷ Ср.: „Названия грибов иногда принимаются за одушевленные существа; благодаря этому обстоятельству винительный падеж таких имен принимает окончание, свойственное родительному: ... *однова масленника нашоу*...“ В. О. Мансикка, *О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ.*, Известия ОРЯС, XVII, кн. 2, 1912, 132.

⁸ В. Волоцкий, *Сборник материалов для изучения Ростовского (Яросл. губ.) говора*, Сб. ОРЯС, № 72, 1903, 14.

⁹ В. О. Мансикка, *О говоре северо-восточной части Пудожского уезда*, Известия ОРЯС, XIX, кн. 4, 1914, 164.

Наблюдения над функциональными свойствами падежей приводит нас к выводу, что невозможно указать случаев бесспорного проявления транспозиции в рамках падежной системы. Употребление РП вместо ИП при отрицании: *письмо не приходило* — *письма не приходило*, или ТП вместо ИП в примерах типа *солнце выжгло степь* — *солнцем выжгло степь*¹⁰ объясняется существованием системы факультативных вариантов одного инварианта (РП—ИП) при наличии отрицания или различием выражаемых падежной формой признаков ('агентивный' — 'инструментальный') во втором случае. Явление транспозиции и вместе с тем — выражение модальных признаков падежной системе, очевидно, не свойственно. Это может быть еще одним доказательством (в ряду других доказательств), что падеж как морфологическая категория не несет в себе инвариантного значения.

4. Исходя из определения транспозиции как явления, основанного на вторичном употреблении граммем при сохранении инвариантного содержания, возникает вопрос о правомерности выделения особого „долженствовательного наклонения“ в русском языке как самостоятельной грамматической категории.¹¹ „Долженствовательное наклонение“ не имеет собственной парадигмы и определяется выражением модального признака, отрицаемая обязательность транспонируемых форм повелительного наклонения. Поскольку при транспозиции сохраняется инвариантное значение граммемы (в данном случае — инвариант повелительного наклонения), вторичный признак, экспрессивного характера, выражаемый ею, вряд ли может быть положен в основу определения самостоятельной грамматической категории.

¹⁰ Н. Кřížková, цит. соч., 178—179.

¹¹ Н. Ю. Шведова, *Парадигматика простого предложения в современном русском языке*, Сб. Русский язык, Грамматические исследования, М., 1967, 28—29; *Грамматика современного русского литературного языка*, М., 1970, 79.